

Виктор СМЕРНОВ

Душа заныла, заплакала и засмеялась от счастья и горя, когда встретил в печати истинное, единожды рождающееся на свет Божий поэтическое чудо:

Завтра заносят. Прощай,
луговая гвоздика,
Завтра краса твоя тихо и ногам
упадет.
Луг — это русское чудо. Гляди-ка,
глядя-ка,
Как он невинно, нетронут,
непринужденно цветет.
Вот и утихли во мне озорство
и бедовость,
Замерло слово в смущенно умолиших
устах.
Как оглушительна эта земная
медовость,
Как уповательно это журчанье
в кустах!
Все околдовано зноем,
медлительной ленью
И ограничено дальним молчаньем
лесов.
Этому буйству лиловому и
голубому цветенью
Жить остается всего лишь
двенадцать часов.
Завтра заносят. Земля
обнажится исподом,
Высушит солнце зеленую эту
траву.
Пчелы, спешите! Спешите
управиться с медом,
Мне он не нужен, я с солью весь
век проживу!

Такое, согласитесь, хоть умри, не сочинишь, не высосешь из пальца. Такое рождается, как ясный летний день за рошей, только в сердце, охваченном любовью к русскому лугу, к земле материнской, Отечеству нашему славному. И учиться, подражать непревзойденному боковскому шедевру бесполезно. Учиться надо другому: этой сыновней привязанности, безоглядному доверию, бескорыстной благодарности матери России за право жить, дышать, любить ее нескончаемые луговые, полевые веками стоящие неоглядные дали.

А познакомила и сблизила нас гармошка — спасибо ей! Давненько это было: кажется, аж в семьдесят пятом. Понаехали в наш древний и тихий Смоленск со всего свету на какое-то важное совещание поэты и прозаики. И не какие-нибудь там второстепенные, а сплошь и рядом тузы, коих — пусть не всех! — не током в начальных, но и в старших классах изучают, наизусть зубрят. После напряженного дня утомительных словоизвержений — творческий народ хлебом не корми, но дай вволюшку поговорить: поспорить — кто-то предложил мне: — Тащи-ка, Витька, гармошку. Слышали мы в Москве о ней. Раскрепостимся малость, молодость минувшую вспомним. Ведь считай, через одного оттуда мы — из деревни. Души-то наши порядком попустошились в городах...

Я, естественно, не заставил просьбу повторять дважды.

Вот тут-то и явился ясным соколом на звонкий зов трехрядки мгновенно сбросивший с удалых плеч доб-

рых два десятка лет Виктор Федорович. И с ходу — русскую! Не вынесла душа поэта! И залился соловьем, калеными частушками озарил-озвучил каменное гостиничное пространство. Не выдержала и дежурная по этажу — пустилась в пляс.

Я надену белую кофту,
Белую-пребелую,
Я такого плясуна
Из картошки сделаю.

Хохот вокруг прогремел оглушающий. Отсмеявшись, ждали: не ступит ли столичная знаменитость, найдет ли достойный ответ? Боков, разумеется, в долгу не остался:

Кум шел стороной,
Кума — улицей,
Кум пел петухом,
Кума — нурицей.

Великолепная словесная дуэль вспыхнула. Что тут было! Люд приезжий густо толпился на площадке, гроздьями свешивался с лестниц. Волны уже почти забытого народного веселья, волны добра и быщего через край русского жизнелюбия, как огромный корабль, мощно качали гостиницу...

Гармошка нас и подружила. Час-

тенько, наезжая в столицу, я стал бывать у него в Переделкине, где целых три любительских тальянки. Одна голосистей другой. Играй не хочу. И друг...

Мы как-то уединились на втором дачном этаже, в его кабинете. И я впервые — еще в те, застойные! — с величайшим удивлением услышал от него суровые, бросающие в дрожь сибирские стихи. Читал он их с какой-то невыразимой болью, потемневшим взглядом мужественно и, как мне показалось, мстительно целясь в звездное окно. На его побелевшем лице будто лежала зыбкая тень колочей проволоки. Я содрогнулся не столько от силы стихов — а они меня, без преувеличения, потрясли! — сколько от лютой стужи его глубокого голоса, в котором звучала жуткая, голая, как береза в зимнем поле, правда пережитого:

Память — соты пустые без меда,
Хроникер, безнадежно хромой,
Помню выстрелы пятого года,
Забываю тридцать седьмой.
Помню меленький, серенький,
скудный
Дождь осенний, грибы и туман,
Забываю про тесный наручник,
Про тебя, смуглокожий тиран.
Помню зимние песни синицы
И вечерний пожар в леденце.
Забываю про наши темницы,
Где людей — как семян в огурце.

ОКОЛДОВАНЫ СЛОВОМ

Помню взлет пирамиды Хеопса
И музейный палаш на бедре,
Забываю, как бабы с колодца
Носят слезы в железном ведре.

Боков — это сама история. И литературы, и Родины нашей многострадальной. Здороваешься с ним, жмешь еще молодцевато сильную руку, крепко обнимаешь и вдруг спохватываешься: эту руку жали до тебя Андрей Платонов, Михаил Пришвин, Марина Цветаева, Борис Пастернак, Михаил Шолохов, Леонид Леонов, Александр Твардовский... И ты как бы черед Бокова чувствуешь тепло их ладоней. И поневоле гордишься тем, что с тобой запросто беседует, каламбурирует, раскатило хохочет человек, чей поэтический дар высоко оценили признанные всем миром корифеи.

За многие годы дружбы младшего со старшим проник я, может быть, в самую суть, в святая святых незаурядной личности поэта. Дело в том, что Боков — это сама естественность. Непосредственность. В нем не умер ребенок. Это главное для художника. Пройти мимо Бокова — это все равно что пройти мимо зацветающей русской ржи, мимо всего, что есть еще на свете живого, не убитого камнем, дымом, железом. Он радуется сердцем, как весенний жаворонок.

Боков-домосед?! Я вообще плохо себе представляю правомерность этого

словосочетания: поэт-домосед. А уж что касается Виктора Бокова!.. Вдоль и поперек исходил-изъездил он нашу необъятную Родину. Кажется, нет такого уголка, где бы ни звучала в его взволнованном, горячим исполнении лучистым эхом откликающаяся в народном сердце стихотворная строка, его раздольная, проникающая в самые тайные глубины души песня. А как здорово, ненавязчиво подделывается он, поражая недолжным артистизмом, под любой областной говор: рязанский, псковский, тверской, смоленский. И украинское словцо, на радость румяной бабе с Житомирщины, ввернет. И белорусскую поговорку в случае надобности вспомнит. И с кавказским кинжальным акцентом он, как выясняется, на ты. Смотришь на него, разинув рот, со стороны: до чего, однако, одарен этот человек! И не вдруг-то поймешь, зачем он так рвался, так спешил, забыв о возрасте своем солидном, на гулкий базар: сумку наполнить? А может, все-таки сердце? Вот уж поистине пушкинская неумность в стремлении стоять по грудь в бурливом потоке народном!

А у себя в Переделкине он — заботливый, радивый, ухватистый хозяин. Любит Виктор Федорович, чего греха таить, щегольнуть тем, что деревенский труд знаком ему во всех ипоста-

сиях. Еще бы! Этим как бы дает понять, что он достойный сын своих родителей, исконных крестьян Подмосковья. И впрямь: худо, когда наш брат, кроме пишущей ручки, ничего в руки не берет. У таких и проза, и поэзия, как правило, худосочные, лишённые запахов и звонов земных. Не то — Боков. Поэта увидишь на его усадьбе и с пилой, и с лопатой, и с косой. Роняя честный крестьянский пот, орудуя пилой-одноручкой, прореживает крону яблони. Вгоняя в податливую весеннюю почву острую лопату, готовит грядки для посева овощей. А на росной июльской заре с охотой, властью машет литовкой — выкашивает на своем участке высокую, тяжелую от светящихся утренних туманных капель траву.

Читатель — а в том счастливом случае, когда рассказываю о Викторе Бокове, он у меня наверняка есть! — вправе спросить или даже потребовать: «А не пора ли о боковских песнях речь вести? Ведь он широко известен как песенник. Разве можно отрицать то обстоятельство, что в самые глухие деревушки России он проник, долетел благодаря музыкальным крыльям, которые дали многие композиторы многим его стихам?».

Простите, пожалуйста, но назвать Бокова поэтом-песенником... Это, во-первых, в высшей степени несправедливо, во-вторых, до слез обидно. Мой земляк Исаковский, например, очень огорчался и не на шутку злился, когда слышал о себе подобное. Нельзя намеренно или, что, конечно, простительнее, по невежеству сужать творчество таких самобытных и крупных лириков, как Исаковский и его младший родственник по песне Боков. Не надо путать далекие, как небо и земля, понятия.

В противном случае мы можем дойти до того, что в ряд песенников поставим имена Кольцова, Никитина, Суркова, Есенина... Вообще говоря, в чистом виде песенники среди поэтов встречаются крайне редко. И «продукция» их в подавляющем большинстве случаев была и есть весьма и весьма сомнительного качества.

Сегодня они в основном плодят в поистине графоманском количестве так называемые песни-однодневки. Чтобы убедиться в этом, достаточно в любое время суток щелкнуть включателем радио или телевизора. Настоящее песенное искусство, к которому, безусловно, относится и творчество Виктора Бокова, никогда не позволит себе опуститься до низменных страстей, не станет потакать испорченному грязью всяческих нечесаных бесполовых существ, громко и нахально именующих себя исполнителями, вкусу. Боковское песенное начало — там, в душе народной. Оно нравственно. Оно духовно. Оно русское в самом

высшем смысле. И потому будет всегда парить над пискливыми стадами вредных музыкальных насекомых сияющей солнцем птицей бессмертный оренбургский пуховый платок. Потому что он сумел своим песенным талантом выразить большое народное чувство любви к матери.

Сколько раз я имел случай убедиться, что Бокова знают, любят в народе. И он там чувствует себя как рыба в воде. Налицо полное взаимопонимание, взаимопроникновение. Что называется, полная взаимность. Потому и силы у поэта удваиваются, судьба звонче, раздольнее поется.

Как верно заметил однажды критик Ал. Михайлов, поэзия Виктора Бокова — это целый оркестр народных инструментов. Убедительным подтверждением тому служит трагическая по содержанию и филигранная по исполнению поэма «Свирь».

Бокову — восемьдесят! Ей-богу, не верится... Особственность отметила его звездную пору зрелости и одновременно приветствовала несомненное наличие в стихе и сердце утреннего задора. Вслед юбилейным речам хочется сказать: дорогой Виктор Федорович! Живите на радость друзьям и печаль недругам — их-то у вас не мало! Вы своим певучим, правдивым, искрометным русским стихом так нужны России нашей именно сейчас, в ее, может быть, самый гибельный, самый тревожный, самый рубежный час. Я верю: обратись вы на площади к разъяренной толпе со стихом своим светлым, с частушками ли, коих знаете неимоверное количество, под свою балалайку — и... Услышат, протрезвятся от пьяной злости, вспомнят, что они люди, — и начнут браться. Таков вы, таково ваше влияние на людские сердца. В залах, где читаются стихи, с вами, как правило, состязаться некому. Душа народа доверчиво, будто утренняя роса, открывается навстречу боковскому крылатому слову.

Одно из своих стихотворений Виктор Боков гордо и недвусмысленно назвал «Я русский». Всей своей нелегкой жизнью и жарким, бессонным творчеством поэт оправдывает свою принадлежность великому народу, свою причастность к России, давшей миру Пушкина, Толстого, Шалапина.

Кричат перепела,
Скряпят коростели,
Трава перепелла
Глубокий сон земли,
Передо мной Ока,
Родная дача равнин,
Летит моя ручья
В зеленый вздох травин,
Спокойно дышит грудь
Без горестных замет,
И это люди врут,
Что будто счастья нет!
А вранья, какое бы оно ни было,
Боков не терпит!
Смоленск.